

Фещенко Владимир Валентинович — филолог, лингвист, переводчик. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва). Автор более 30 научных публикаций. Участвовал в составлении коллективных сборников: «Семиотика и Авангард: Антология» (М., 2006), «Доски судьбы Велимира Хлебникова: Текст и Контексты» (М., 2008) и «Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук» (М., 2008). Член редколлегии журнала «Критика и семиотика» (Новосибирск-Москва). За работы по языку русских и английских авангардных текстов награжден Международной Отметиной имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Участник московской арт-группы «Хомо Урбан». Область научных и творческих интересов: философия языка, семиотика, лингвистическая эстетика, музыкальная антропология, авангардоведение, экспериментальные искусства.

ISBN 978-5-9551-0318-1

9 785955 103181

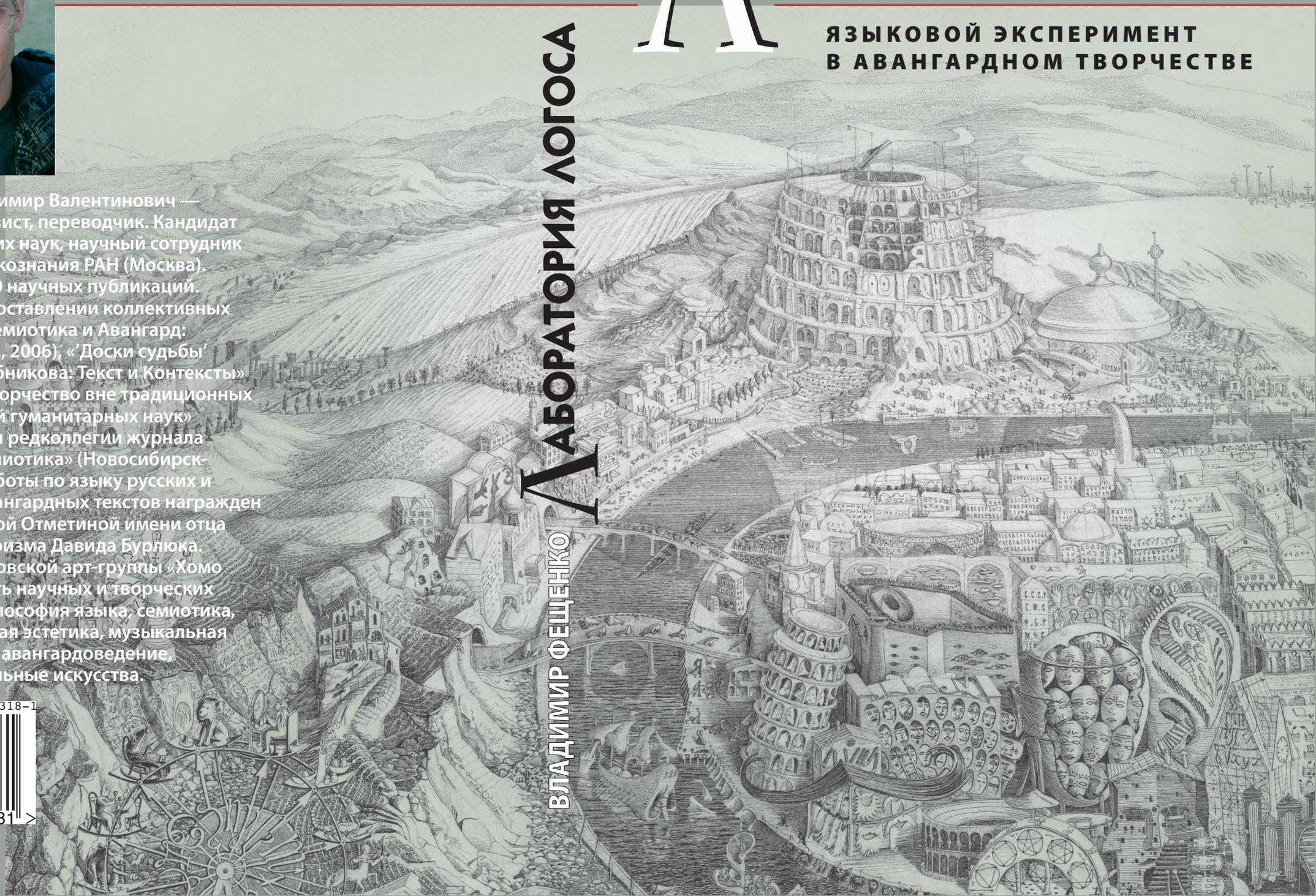

ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО

ЛАБОРАТОРИЯ ЛОГОСА

ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
В АВАНГАРДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ЛАБОРАТОРИЯ ЛОГОСА
ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО

ЛАБОРАТОРИЯ ЛОГОСА

ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
В АВАНГАРДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

ББК 71я2
Ф 31

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-04-16223

Научные рецензенты:

Ю. С. Степанов, академик РАН
Н. А. Фатеева, профессор, док. филол. наук

Фещенко В. В.

Ф 31 Лаборатория логоса: Языковой эксперимент в авангардном творчестве. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 392 с.

ISBN 978-5-9551-0318-1

Монография посвящена вопросам языкотворчества в поэзии и прозе русского и англоязычного авангарда, а также связи этих проблем с параллельным научным экспериментом в теоретической поэтике, лингвистике и философии языка.

Теоретическая база работы позволяет от рассмотрения исторического плана проблемы — им является эпоха так называемого «исторического авангарда» («постсимволизма») — перебросить мост на внеисторический план, в котором авангардное творчество понимается как специфическая модель языковой креативности и семиотического поведения.

Не забывая о целостности и многообразии авангардной модели мира и творчества, автор предлагает сузить фокус внимания до лингвосемиотического и лингвофилософского взгляда на сущность авангардного *modus vivendi*, *modus operandi* и *modus loquendi*. В качестве базового концепта, служащего инструментом в описании заявленной проблемы, принимается понятие «языкового эксперимента». Авангардное творчество рассматривается при этом с точки зрения его экспериментально-лингвистической составляющей.

Содержание данной работы представляет интерес не только для лингвистов-теоретиков и филологов, но также и для широкого круга заинтересованных читателей, для которых вопросы языкового творчества и новаторства в мышлении, словесности и искусстве не являются праздными и посторонними.

ББК 71я2

*В оформлении переплета использован фрагмент работы
Ивана Языкова «Ярмарка языков» (2009) из проекта «Азбука».
Фотография автора на обложке выполнена Александром Павловским*

ISBN 978-5-9551-0318-1

© В. В. Фещенко, 2009
© Языки славянских культур, 2009

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

От автора	5
Вводные замечания	21
ГЛАВА 1. «Язык как творчество». Креативные аспекты языка в философии, семиотике, лингвистике и поэтике	
§ 1. «Языковой поворот» и «поворот к Логосу» в философии, семиотике и лингвистике рубежа XIX—XX вв.	28
§ 2. «Язык как созидующий процесс»: концепции языка в лингвистике, семиотике и поэтике конца XIX — начала XX в.	43
§ 3. Поэтика языка и язык поэзии: становление нового объекта исследования	51
ГЛАВА 2. «Мефисто-вальс экспериментирования». Языковой эксперимент как метод и принцип в поэтике и поэзии	
§ 1. Понятие «языкового эксперимента»	77
§ 2. Параметры и характеристики языкового эксперимента в авангардной формации	90
§ 3. Как ведет себя авангард? Особенности прагматики в авангардной коммуникации	111
ГЛАВА 3. «Миф о слове». Эксперимент со словом и ритмом в поэтической системе А. Белого	
§ 1. А. Белый как языковед и языкотворец	144
§ 2. Мысль и язык в символистской системе А. Белого	147
§ 3. «О слове в поэзии»: статус слова в языковом эксперименте А. Белого	153
§ 4. Мифология и морфология языка А. Белого	171
§ 5. Соотношение слова и ритма в теории и практике А. Белого	190

ГЛАВА 4. «Прорыв в языки».**Эксперимент с языками в поэтике В. Хлебникова**

- § 1. В. Хлебников: от «символической»
к «числовой» модели мира и языка 201
- § 2. Поиски «самовитого слова» в поэзии В. Хлебникова 206
- § 3. В. Хлебников как «строитель языка» 213
- § 4. Жизнетворчество и языкотворчество.
Динамический взгляд на творчество В. Хлебникова 228

ГЛАВА 5. «Столкновение словесных смыслов».**Эксперимент с семантикой в поэзии А. Введенского**

- § 1. Языковой эксперимент у обэриутов и «чинарей» 238
- § 2. Понимать, не понимать или непонимать?
(О нулевой коммуникации в поэзии бессмыслицы
А. Введенского) 253
- § 3. Мнимости в семантике: семиотические особенности
«чинарного языка» А. Введенского и Я. Друскина 266

ГЛАВА 6. «Грамматика на одном дыхании».**Эксперимент с грамматикой в творчестве Г. Стайн**

- § 1. Гертруда Стайн как «испытатель» языка 277
- § 2. Экспериментальная грамматика Г. Стайн 283
- § 3. Вопрос о частях речи
в поэтической грамматике Г. Стайн 303
- Приложение. Г. Стайн. Разъяснение 311

ДОПОЛНЕНИЕ. Два очерка в продолжение темы

1. «Комичность это космичность».
Хохотание на языках у позднего Дж. Джойса 315
2. Transition: опыт трансатлантического авангарда 325

ПРИЛОЖЕНИЕ. Три манифеста Юджина Джоласа

- Вертикальная поэзия 335
- Революция языка и Джеймс Джойс 336
- Декларация: Революция Слова 341
- Библиография 343
- Указатель имен 377
- Contents 389
- Summary 391

От автора

Предлагаемая читателю книга в основной ее части восходит к диссертации «Языковой эксперимент в русской и английской поэтике 1910—30-х гг.», защищенной автором по лингвистической специальности «Теория языка». Несмотря на это последнее обстоятельство, автор смеет надеяться, что содержание данной работы представляет интерес не только для лингвистов-теоретиков, но также и для широкого круга заинтересованных читателей, для которых вопросы языкового творчества и новаторства в мышлении, словесности и искусстве не являются праздными и посторонними. Языковая деятельность сопутствует любому виду человеческого общения и творчества, даже тем видам, которые на первый взгляд не связаны с языком; поэтому, как представляется, языковая проблематика, обсуждаемая в данном исследовании, находится на пересечении многих сопряженных областей культурной жизнедеятельности.

Теоретическая база работы, кроме того, позволяет от рассмотрения исторического плана проблемы — им является эпоха так называемого исторического авангарда¹ («постсимволизма») — перебросить мост на внеисторический план, при котором авангардное творчество понимается как специфическая модель языковой креативности и культурного поведения. Авангардное мышление, авангардное

¹ В существующих исследованиях термин авангард во всех случаях употребляется со строчной буквы. У нас же везде далее — Авангард с прописной буквы употребляется как обозначение эпохи (ср. Античность, Средневековье, Серебряный век и т. д.) и относится к так называемому историческому авангарду 1910—30-х гг.; чтобы отличать данный историко-культурный термин от соответствующего термина теоретико-культурного, внеисторического и общепринципиального, последний дается с прописной буквы, как авангард. Мы следуем в этом Ю.С. Степанову, считающему, что «у Авангарда нет “истории”, а есть точки — прорывы из ментальной эволюции в материальную реальность» [Степанов 2004с]. Однако нами термин Авангард (с прописной) употребляется к тому периоду, в котором эти прорывы осуществлялись в массовом порядке. Ср. также с западными спорами на эту тему в [Weightman 1973]; [Bäckström 2001].

сознание и авангардное поведение при таком подходе могут служить камертоном истолкования языковых и культурных феноменов разных исторических вех — в том числе нашей непосредственной современности — и различной дисциплинарной и профессиональной принадлежности.

Авангард принято противопоставлять арьергарду, классическому искусству, всему традиционному и каноническому. Однако и по сей день такие оценки по отношению к конкретным явлениям искусства и культуры остаются по большей части интуитивными, неотчетливыми и не основанными на каких-либо принципах, причем не только в «наивном» обывательском сознании, но и в научных изысканиях. Зачастую под авангардом фигурально обозначается любое новомодное течение или экстравагантная крайность в искусстве и за его пределами. При этом размываются границы между столь различными явлениями, как китч, масскульт, мода, эпатаж, с одной стороны, и авангард, экспериментальное искусство, андеграунд, нонконформизм, независимая культура (ср. с таким понятием англоязычной музыкальной культуры, как indie) — с другой. При характеристике того или иного явления как авангардного обычно обращают внимание на его формальную сторону, на то, как оно воздействует на адресата своей необычностью и броскостью. Между тем до сущностных особенностей авангардной ментальности, как правило, дело исследователей, критиков и обычной публики не доходит.

В то же время нельзя не отметить, что спорадические попытки сущностного обоснования понятия авангарда предпринимались, что любопытно, еще задолго до начала периода «исторического» авангарда. Так, во французском художественном контексте слово авангард бытовало уже с первой трети XIX века. Впервые это употребление встречается у французского общественного деятеля О. Родригеса в его эссе 1825 г. «Художник, ученый и рабочий», в котором тот призывает художников «стать в авангарде человечества», ибо «искусство обладает силой скорости и непосредственности», которая так необходима в социальных, политических и экономических реформах. Этот призыв — сознательно или бессознательно — был взят на вооружение французскими художниками-импрессионистами. И хотя серьезного значения понятию «авангард» в то время все же не придавалось, именно из среды художников и художественных критиков он перекочевал в дальнейшем в эссе американского искусствоведа К. Гринберга «Авангард и китч» 1939 г. Именно в этой работе, уже на исходе «исторического» бытования авангарда, это понятие

приобрело статус термина, отграничивающего его от прочих моделей в культуре (арьергарда, китча, масскульты, классического искусства). Примерно в те же годы чешский лингвист, семиотик и философ Я. Мукаржовский в своей статье «Основные принципы авангарда» сформулировал ряд структурных особенностей и тенденций авангардного искусства, отметив в качестве его закономерности стремление к взаимопроникновению и скрещиванию разных художественных практик. В дальнейшем, в 1950—80-е гг., стали преобладать те «теории авангарда», которые делали акцент на социальных, идеологических и психоаналитических параметрах авангарда (Р. Поджоли, П. Бюргер, Ю. Кристева). И хотя предметом их интереса становилась особая авангардная ментальность и даже — в случае с Кристевой — языковая революционность, систематического обоснования природы авангардного творчества в указанных концепциях не обнаруживается.

У нас в стране попытки общекультурного осмысления авангардного наследия — преимущественно отечественного, русского — стали предприниматься только в самое последнее время. Что не удивительно, ибо значительная доля этого наследия только в 1990-е гг. была извлечена практически из небытия и введена в активный оборот. Среди авторов, систематически изучающих в настоящее время историю русского авангарда не без попыток концептуализации самого феномена, необходимо назвать таких исследователей, как Д. Сарабьянов, В. Турчин, А. Якимович, Е. Бобринская, И. Васильев, И. Сахно, И. Ивановшина, Т. Казарина, Ю. Гири и др. Однако выходы на теоретические и концептуальные обобщения здесь достаточно окказиональны — больше видна сосредоточенность на конкретных фактах и связях исторического плана. Разумеется, не стоит умалять вклад в осмысление авангарда, вносимый проводящимися время от времени научными конференциями. Особо хотелось бы отметить три мероприятия последнего времени, на которых теоретические вопросы авангардоведения занимали не последнее место — семинар Пушкинского Дома «Русский литературный авангард — от границ явления к границам термина» в Санкт-Петербурге (материалы на данный момент готовятся к печати); круглый стол московского Никитского клуба на тему «Мир вокруг нас: авангард и традиции в единстве и противоречии» (см. издание материалов: Никитский клуб. М., 2006); а также российско-французский коллоквиум «Утрата оснований: Авангард и современное искусство», имевший место в Государственном центре современного искусства в Москве (первые два имели место в 2005 г., последнее — в 2008-м).